

Д.В. Долгушин*

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКАНИЙ
РУССКОГО ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: Л.И. САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН**doi:10.31518/2618-9100-2024-2-11
УДК 94(47).073"18/19"+261.5*Выходные данные для цитирования:*
Долгушин Д.В. Из истории религиозных исканий русского образованного общества второй четверти XIX века: Л.И. Сайн-Витгенштейн // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 156–178. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-11.pdf>

D.V. Dolgushin*

FROM THE HISTORY OF RELIGIOUS QUEST OF RUSSIAN
EDUCATED SOCIETY IN THE SECOND QUARTER
OF THE 19TH CENTURY: LEONILLA SAYN-WITTGENSTEIN**

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-11

How to cite:
Dolgushin D.V. From the History of Religious Quest of Russian Educated Society in the Second Quarter of the 19th Century: Leonilla Sayn-Wittgenstein // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 156–178.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-11.pdf>]

Abstract. The article endeavors to address in detail the religious quests of Leonilla Ivanovna Sayn-Wittgenstein (née Baryatinskaya, 1816–1918) – a famous secular lady and activist of the Catholic movement. The article analyses the religious way of life of the Baryatinsky family, where Sayn-Wittgenstein spent her childhood. It is concluded that Leonilla’s childhood was spent in a polyconfessional, but mainly Orthodox and Protestant environment, Catholic influences were not particularly noticeable. Leonilla’s gravitation towards Catholicism in her childhood was not the result of a worldview quest. Her childhood imagination was possessed by the image of a Catholic visionary nun like Teresa of Avila, with which she probably related herself. The article pays special attention to the period of L.I. Sayn-Wittgenstein’s conversion to Catholicism, which fell on the first years of her married life. A previously unknown source – the characterisation of L.I. Sayn-Wittgenstein written by V.P. Davydov – is introduced into the scientific use. On the basis of its analysis the thesis is argued that Leonilla Ivanovna’s worldview was greatly influenced by the liberal views of her husband, the Decembrist L.P. Wittgenstein. She decided to convert to Catholicism under the influence of a liberal political impulse, against the background of her rejection of violations of the principle of equal rights in the state and her rapprochement with the Polish-Lithuanian milieu. She perceived Catholicism from a “political” perspective, and her ecclesiology is closely linked to the problem of power. The question of what place L.I. Sayn-Wittgenstein took in the Catholic movement after her departure from Russia and her conversion to Catholicism on June, 21, 1847, is discussed. The history of her relations with Felix Dupanloup and other representatives of liberal Catholicism in France, whom she supported and called “the blessed cohort”, is described. The position that L.I. Sayn-Wittgenstein occupied in the Catholic world and among the European aristocracy at the turn of the century is characterised. Her views on Russia, expressed in her correspondence with Count Dubassin de Richmond, are analyzed. It is concluded that L.I. Sayn-Wittgenstein was a supporter of the liberal evolution of the Russian political system, supported the programme of P.A. Stolypin and the Octobrists. It can be said that throughout her long life she maintained a consistent worldview – starting from the turn of the 1830s–1840s and until the end of her days she was committed to political Catholicism of the liberal direction.

* **Дмитрий Владимирович Долгушин**, доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Dolgushin, Doctor of Philology, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: D_Dolgushin@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

Keywords: L.I. Sayn-Wittgenstein, L.P. Wittgenstein, F. Dupanloup, Baryatinskys, V.S. Solovyov, Russian Catholics, liberal Catholicism, Russian educated society of the 1830s, Russian aristocracy.

The article has been received by the editor on 15.01.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка развернутого исследования религиозных исканий Леониллы Ивановны Сайн-Витгенштейн (урожденной Барятинской, 1816–1918) – известной светской дамы и деятельницы католического движения. Анализируется религиозный уклад жизни семейства Барятинских. Делается вывод о том, что детство Л.И. Сайн-Витгенштейн проходило в поликонфессиональной, но в основном православной и протестантской среде, католические влияния не были особенно заметными. Тяготение Леониллы к католицизму в детстве формировалось где-то на грани между мистикой и эстетикой и не было следствием мировоззренческих исканий. Ее детским воображением владел образ католической монахини-визионерки, подобной Терезе Авильской, с которым она, вероятно, себя соотносила. Особое внимание в статье уделяется периоду обращения Л.И. Сайн-Витгенштейн в католицизм, который пришелся на первые ее годы жизни в браке. Вводится в научный оборот неизвестный ранее источник – характеристика Л.И. Сайн-Витгенштейн, написанная В.П. Давыдовым. На основе его анализа аргументируется тезис о том, что на мировоззрение Леониллы Ивановны оказали большое влияние либеральные взгляды ее мужа – декабриста Л.П. Витгенштейна. Решение перейти в католичество созрело у нее под воздействием политического импульса либерального толка на фоне неприятия нарушений принципа равноправия в государстве и сближения с польско-литовской средой. Католицизм воспринимался Л.И. Сайн-Витгенштейн в «политической» оптике, ее экклезиология тесно связана с проблематикой власти. Обсуждается вопрос о том, какое место заняла Л.И. Сайн-Витгенштейн в католическом движении после своего отъезда из России и перехода в католицизм, состоявшегося 21 июня 1847 г. Описывается история ее отношений с Феликсом Дюпанлу и другими представителями либерального католицизма во Франции, которых она поддерживала и называла «благословенной фалангой». Дается характеристика положения, которое заняла Л.И. Сайн-Витгенштейн в католическом мире и в среде европейской аристократии на рубеже веков. Проводится анализ ее взглядов на Россию, высказанных в переписке с графом Дебассен де Ришмоном. Делается вывод о том, что Л.И. Сайн-Витгенштейн была сторонницей либеральной эволюции российской политической системы, поддерживала программу П.А. Столыпина и октябристов. Можно сказать, что на протяжении своей долгой жизни она сохраняла мировоззренческое постоянство – начиная с рубежа 1830–1840-х гг. и до конца своих дней была привержена политическому католицизму либерального направления.

Ключевые слова: Л.И. Сайн-Витгенштейн, Л.П. Витгенштейн, Ф. Дюпанлу, Барятинские, В.С. Соловьев, русские католики, либеральный католицизм, русское образованное общество 1830-х гг., русская аристократия.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024 г.

Изучение жизненного пути Леониллы Ивановны Сайн-Витгенштейн (Sayn-Wittgenstein, 1816–1918)¹ представляет значительный интерес для исследования различных тем, в том числе связанных с историей европейской аристократии, международной политики второй половины XIX в., особенно же с историей католического движения в среде русской эмиграции этого столетия. О том, что Л.И. Сайн-Витгенштейн играла в этом движении очень важную, а может быть, даже ключевую роль, уже писалось². Однако вопрос о том, к какому именно направлению внутри католицизма она примыкала и в чем специфика ее религиозных взглядов, не ставился. Предлагаемая статья представляет собой попытку ответа на этот вопрос.

Но прежде чем приступить к его рассмотрению, необходимо сказать о самой Л.И. Сайн-Витгенштейн. Ее жизнь и творчество до сих пор не были предметом специального изучения. Существующие работы либо касаются очень частных сюжетов, с ней связанных³, либо, напротив, представляют собой обобщенные обзоры ее биографии⁴. Многие факты не выяснены, не уточнены⁵, а источники не введены в научный оборот.

Систематическое изучение жизненного пути Л.И. Сайн-Витгенштейн потребовало бы фронтального обследования обширного архивного материала – прежде всего архива Славянской библиотеки И.С. Гагарина⁶, архива Витгенштейнов-Барятинских во дворце Киджи в Аричче под Римом, обнаруженного Ф. Петруччи в начале 1990-х гг.⁷, а также фондов Орловых-Давыдовых в НИОР РГБ и РГАДА. Из этих материалов мы использовали только некоторые рукописи Славянской библиотеки и НИОР РГБ. По большей части наше исследование опиралось на опубликованные источники в основном мемуарного характера.

Из них наиболее важны воспоминания самой Леониллы Ивановны, изданные в 1908 г.⁸ и в том же году частично переведенные на русский язык⁹. Кроме этих воспоминаний, существуют и другие, фактически выпавшие из поля зрения исследователей, опубликованные

¹ Мы следуем наиболее распространенной форме передачи этой фамилии на русский язык, хотя встречаются и другие: Зайн-Витгенштейн (см., напр.: *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX в. М., 2013. С. 97–98), Зейн-Витгенштейн (см., напр.: *Милорадович Г.А.* Список лиц свиты Их Величеств с царствования Петра I по 1886. Киев, 1886. С. 46). Возможно, они точнее соответствуют фонетическому принципу передачи имен собственных, воспроизводя немецкое произношение этой фамилии. Тем не менее именно форма Сайн-Витгенштейн, в которой Sayn транслитерируется, а Wittgenstein транскрибируется, преобладала и в XIX, и в XX в., в том числе она использована в публикации дневников княгини Е.Н. Сайн-Витгенштейн, подготовленной ее дочерью (см.: *Сайн-Витгенштейн Е.Н.*, кн. Дневник. 1914–1918. Paris, 1986).

² *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм... С. 97–98. О католическом движении в среде русской эмиграции см. также: *Dmitrieva K.* Les conversions au catholicisme en Russie au XIXe siècle: ruptures historiques et culturelles // *Revue des études slaves.* 1995. Т. 67. Fasc. 2–3. P. 311–336; *Тамборра А.* Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2007.

³ Ср. работы, связанные с исследованием образа Л.И. Сайн-Витгенштейн в живописи: *Олейникова В.П.* Исторический портрет княгини Л. Витгенштейн (урожд. кн. Барятинской) в изображениях из живописных коллекций Европы и США: к 105-летию со дня кончины // *Вестник Гродненского гос. университета.* Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2023. Т. 15, № 2. С. 84–92; *Байрд (Яценко) О.* Иоганн Конрад Дорнер: некоторые материалы к биографии художника // *Художественный вестник.* 2022. № 9. С. 62–125; *Попко О.Н.* Художник В.С. Садовников и коллекция князя Л.П. Витгенштейна в Верковском дворце: история одного пленэра // *Искусство и культура.* 2017. № 2. С. 23–27.

⁴ См., напр.: *Олейникова В.П.* Итальянский след семейства Барятинских // *Via in tempore.* История. Политология. 2010. № 13 (84). С. 146–151.

⁵ В том числе даже год перехода Л.И. Сайн-Витгенштейн в католичество, в качестве которого неверно указывают 1851 г.

⁶ См.: *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм... С. 19, 82–84.

⁷ *Petrucchi F.* Memorie dalla collezione Wittgenstein-Bariatinsky // *Meraviglie dal Palazzo Dipinti, disegni e arredi della collezione Wittgenstein-Bariatinsky da Palazzo Chigi in Ariccia.* Roma, 2011. P. 15–35.

⁸ *Sayn-Wittgenstein [L.], de.* Souvenirs (1905–1907). Paris, [1908]. Выдержки из воспоминаний были предварительно опубликованы в журнале *Le Correspondant: Sayn-Wittgenstein, de [L.]. Quelques souvenirs de ma vie // Le Correspondant.* 1907. Т. 193. P. 686–705.

⁹ Из воспоминаний княгини Витгенштейн // *Русская старина* 1908. № 12. С. 735–742; В.С. Соловьев. Из записок Леониллы Ивановны Витгенштейн (рожденной княжны Барятинской) // *Русский архив.* 1908. Кн. 3. Вып. 11. С. 400–401.

в свое время малыми тиражами¹⁰. К сожалению, эти редкие издания оказались недоступны. Из них особенный интерес представляют мемуары под названием «Pages intimes: l'Alléluia dans l'épreuve», написанные предположительно в 1890–1895 гг., предназначенные для узкого круга лиц и не поступавшие в широкую продажу¹¹. Они представляют собой подробный исповедальный рассказ Л.И. Сайн-Витгенштейн о ее духовном и жизненном пути.

Недоступность для нас этого текста несколько компенсируется тем, что им активно пользовался биограф Леониллы Ивановны Эрнст Доде (1837–1921) – старший брат Альфонса Доде, журналист, романист и историк. Он сблизился с Л.И. Сайн-Витгенштейн в последнее десятилетие ее жизни, став частым ее гостем и собеседником. В 1919 г. Э. Доде опубликовал в журнале *Le Correspondant* обширное жизнеописание Леониллы Ивановны¹², в котором обильно цитировал и пересказывал «Pages intimes», а также использовал письма и устные рассказы своей собеседницы. Его сочинение представляет собой нечто среднее между историческим, мемуарным, художественным и агиографическим текстом (убежденный католик, Э. Доде был склонен видеть в Леонилле Ивановне святую). Труд Доде на сегодняшний день является самой подробной биографией Л.И. Сайн-Витгенштейн, и мы активно им пользовались. Ссылки на него будут делаться прямо в тексте статьи. Первое число обозначает номер тома журнала, следующие – номера страниц¹³.

Как следует из вышесказанного, уже в силу ограниченности источниковой базы наше исследование не может претендовать на исчерпывающий характер. Тем не менее мы надеемся, что оно позволит сформулировать некоторые предварительные наблюдения по поводу интересующей нас проблемы.

Детство в Марьино: между эстетикой и мистикой. Леонилла Ивановна происходила из знаменитого аристократического семейства Барятинских, которые, ведя свой род от черниговских князей-рюриковичей, в отличие от многих княжеских фамилий, не потеряли в XVII–XVIII вв. ни богатства, ни знатности и владели многочисленными поместьями в Курской, Харьковской и Херсонской губерниях. Отец Леониллы Ивановны, Иван Иванович Барятинский (1767–1825), сын знаменитого дипломата екатерининской эпохи, и сам некоторое время пробовал свои силы на дипломатическом поприще, служа посланником в Мюнхене, но в 1813 г. оставил службу и поселился в своем любимом имении Ивановское (Марьино), где отстроил роскошный дворец и с удовольствием занимался хозяйством, которое вел на английский манер, а также увлекался театром, музыкой, собирал великолепную коллекцию картин и статуй.

В Баварии И.И. Барятинский женился на прусской графине, племяннице прославленного полковника П.Х. Витгенштейна, Марии Келлер, в браке с которой у него, кроме Леониллы Ивановны, родилось еще две дочери и четыре сына, среди них и Александр Иванович Барятинский – знаменитый генерал-фельдмаршал, покоритель Кавказа и победитель Шамиля.

Детство Леониллы Ивановны прошло посреди роскоши, изящества и возвышенных эстетических впечатлений Марьинского дворца, она, как и подобало девице ее круга, получила хорошее домашнее воспитание, в том числе и религиозное. Первым преподавателем Закона Божия для Леониллы стал выпускник семинарии, специально приглашенный из Москвы (см.: 276, 86). Но гораздо сильнее, чем его уроки, на девочку воздействовал уклад жизни, сложившийся в семье.

¹⁰ Sayn-Wittgenstein L., de. Souvenir vivant d'un passé lointain. [S.l.], [ca 1907]; Sayn-Wittgenstein L., de. Mélanges. Lausanne, 1909; Sayn-Wittgenstein L., de. Pages intimes: l'Alléluia dans l'épreuve. Besançon, 1918.

¹¹ См.: Daudet E. Témoin d'un siècle. La princesse Léonille de Sayn Wittgenstein (1816–1918) // *Le Correspondant*. 1919. Т. 277. Р. 833.

¹² Daudet E. Témoin d'un siècle. La princesse Léonille de Sayn Wittgenstein (1816–1918) // *Le Correspondant*. 1919. Т. 276. Р. 76–104, 501–529; Daudet E. Témoin d'un siècle. La princesse Léonille de Sayn Wittgenstein (1816–1918) // *Le Correspondant*. 1919. Т. 277. Р. 114–145, 830–859.

¹³ Переводы, сделанные при цитировании иноязычных текстов, выполнены автором статьи.

Для младшего поколения Бярятинских был характерен проявлявшийся с ранних лет интерес к религии. Виктор Бярятинский вспоминает, что его брат, будущий фельдмаршал А.И. Бярятинский, в детских играх «очень любил исправлять обязанность священника», а в возрасте 12–14 лет собирал других детей по воскресеньям и читал им «проповеди собственного сочинения»¹⁴. Самого Виктора отец собирался готовить к духовному званию¹⁵. Очень набожной, как об этом свидетельствует ее дневник, была старшая сестра Леониллы Ольга¹⁶. Другая ее сестра, Мария, по словам ее подруги великой княгини Ольги Николаевны, также была «глубоко верующей»¹⁷. Их мать М.Ф. Бярятинская, по воспоминаниям В.И. Бярятинского, проводила по многу часов в молельне, которая была устроена в специальном помещении в ее спальне¹⁸. На этом фоне не покажется удивительным, что в детстве Леонилла любила уединенные благочестивые размышления на лоне природы, комнату свою превратила в подобие часовни (см.: 276, 86) и была убеждена в необходимости искупительных страданий за порывы капризов и гнева, которым поддавалась в минуты ссор со своей гувернанткой (см.: 276, 85).

На семейном фоне ее особенно выделяет визионерство и мистическая экзальтация. На протяжении нескольких лет в подростковом возрасте Леонилла, внезапно просыпаясь ночью, видела одну и ту же сцену: две одинаковые монахини, облаченные в свет, появлялись из противоположных концов комнаты, приветствовали друг друга, садились у изголовья кровати и молчали (см.: 276, 89). Они не вызывали испуга, и Леонилла постепенно привыкла считать их «вестниками неба», знаменем, готовящим ее к особому призванию (см.: 276, 90). Во взрослом возрасте видения продолжались, но уже в другой форме: за сотни верст Леонилла видела своего раненого брата, сражавшегося на Кавказе, свою скончавшуюся сестру (см.: 276, 99–100) и т.п.

Отец и мать Бярятинских принадлежали к разным конфессиям. Отец был православным, а мать, немка по национальности, – лютеранкой. В Ивановском существовала не только великолепная, на пять пределов, Покровская церковь, но и лютеранская кирха в неоготическом стиле, построенная И.И. Бярятинским на острове в Марьинском пруду. В церкви служил отец Григорий, которого «все уважали и очень любили»¹⁹, в кирхе – постоянно проживавший в Марьино пастор (по-видимому, не пользовавшийся у Леониллы особой симпатией (см.: 276, 86)), кроме того, приезжал и еще один – И.А. Розенштраух, общением с которым в семье очень дорожили²⁰.

В имении находилась «целая колония иностранцев»²¹, занятых в службе, среди которых были в основном протестанты (например, любимая гувернантка Леониллы мадмуазель Гине была, очевидно, реформаткой по вероисповеданию) и всего два католика (см.: 276, 87).

И в Ивановском, и в Москве, и в Петербурге М.Ф. Бярятинская по воскресеньям водила дочерей в православные храмы. Однако посещали они и лютеранские. Ольга Бярятинская, всю жизнь строго приверженная православию²², в юности зачитывалась проповедями женев-

¹⁴ Бярятинский В.И. Из Курска в Рим. Воспоминания. М., 2004. С. 46. Ср.: Зиссерман А.Л. Князь Александр Иванович Бярятинский. 1815–1879. М., 1888. Т. 1. С. 17.

¹⁵ Олейникова В. Князь Виктор Иванович Бярятинский: моряк, художник, археолог, библиофил // Бярятинский В.И. Из Курска в Рим. Воспоминания... С. 9–10.

¹⁶ См.: Долгушин Д.В. Милосердие и благотворительность в зеркале автодокументального текста: Дневник О.И. Орловой-Давыдовой // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 374–385. Дочка Ольги Ивановны Мария в 1898 г. примет монашество с именем Магдалины и станет настоятельницей основанного ею самой монастыря.

¹⁷ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 249.

¹⁸ Бярятинский В.И. Из Курска в Рим... С. 61.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Ср.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 219. Карт. 92. № 2 (Дневник О.И. Орловой-Давыдовой, 1830–1831). Л. 4.

²¹ Бярятинский В.И. Из Курска в Рим... С. 43.

²² Судя по воспоминаниям А.О. Смирновой-Россет, переход Леониллы в католичество навсегда испортил отношения между сестрами (см.: Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 205).

ского пастора Жана-Ами Мартена (реформата)²³ и аббата Франсуа-Леона Реги (католика)²⁴. Можно сказать, что детство Леониллы проходило в поликонфессиональной, но в основном православной и протестантской среде, католические влияния не были особенно заметными²⁵.

Однако позже она утверждала, что даже малейшие соприкосновения с католицизмом производили на нее сильное впечатление. Так, ей запомнился католический обряд венчания, свидетельницей которого она однажды стала, а вид монаха-доминиканца, его совершавшего, вызвал у нее чувства восторга и преклонения (см.: 276, 87). С очень раннего возраста Леонилла задумывалась о том, чтобы и самой стать монахиней, но считала для себя такую судьбу невозможной, так как полагала, что только католички «достойны носить монашеское платье» (см.: 276, 86).

Примерить это платье ей довелось во время семейного праздника, когда устраивались представления «живых картин». Леонилла, одетая как монахиня-кармелитка, изображала Терезу Авильскую в молитвенном экстазе. Неизвестно, досталась ей эта роль по собственному выбору или по выбору взрослых, но она настолько ей подошла, что девочка удостоилась бурных аплодисментов зрителей, заставивших ее повторить эту сцену трижды (см.: 276, 90).

Таким образом, тяготение Леониллы к католицизму в детстве формировалось где-то на грани между мистикой и эстетикой, оно не было следствием мировоззренческих исканий. Судя по всему, ее детским воображением владел образ католической монахини-визионерки, подобной Терезе Авильской, с которым она, вероятно, себя соотносила.

Выход в свет и замужество: разрушенные надежды. В 1830 г. семья переехала в Москву, а в 1832 г. – в Петербург, где Леонилла стала выходить в свет. В отличие от своей старшей сестры Ольги, молчаливой и тяготившейся светскими обязанностями, Леонилла имела оглушительный успех. Она быстро приобрела славу блестящей великосветской красавицы. Сезон 1833–1834 гг., когда Леонилла вместе со своей матерью почти каждый день появлялись в обществе²⁶, стал временем ее триумфа. Д.Ф. Фикельмон, называющая Ольгу «бесцветной, бледной и хранящей гробовое молчание женщиной», про Леониллу пишет с восторгом: «высокая, стройная, несколько сдержанная, очень серьезная, но красивая с головы до пят, причем восхитительно красивая!»²⁷. П.А. Вяземский в письме А.И. Тургеневу от 12 января 1834 г. называет Леониллу «новой звездой на петербургском небосклоне»²⁸. «Она производила всюду сильное впечатление», – вспоминает об этом времени ее брат В.И. Барятинский²⁹.

²³ См.: НИОР РГБ. Ф. 219. Карт. 92. № 2. Л. 1–2.

²⁴ См.: Там же. № 4 (Дневник О.И. Орловой-Давыдовой, 1833–1834). Л. 13–14.

²⁵ Среди родственников Леониллы был пример обращения в католицизм – тетушка Леониллы А.И. Толстая (урожд. Барятинская, 1772–1825). Вряд ли, однако, возможно говорить о ее непосредственном влиянии на племянницу (лично Леонилла с Толстой, проживавшей за границей, не общалась, и та умерла, когда девочке не исполнилось и девяти лет).

²⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 219. Карт. 92. № 1 (Воспоминания и дневник О.И. Орловой-Давыдовой, 1834). Л. 14.

²⁷ Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург. М., 2009. С. 312.

²⁸ «На петербургском небосклоне загорелась новая звезда: княжна Леонила Барятинская, звезда не жгучая, несколько холодная, но всеобъемлющая ресницами-лучами» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3: Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. С. 255). Позволим себе небольшое замечание. Колоритная личность Леониллы Ивановны и мелодраматические подробности ее брака с Л.П. Витгенштейном стали темой множества популярных статей и репортажей в Интернете. И повсюду, начиная с Википедии, эта цитата из письма П.А. Вяземского приводится в искаженном виде: слово «ресницами» в ней заменено неверно прочитанным по скану словом «репицами». Учитывая, что «репица» – это, согласно Толковому словарю Ушакова, «хвостовой отросток у позвоночных животных, покрытый шерстью», замена получилась довольно курьезная, однако прочно обосновавшаяся во всех расхожих текстах о Леонилле Ивановне. Между тем у нее, судя по многочисленным портретам, действительно были очень красивые черные глаза, ресницы и брови (см.: Байрд (Яценко) О. Иоганн Конрад Дорнер: некоторые материалы к биографии художника... С. 82). «Эти бархатные глаза, соболиные брови наделали много шума», – вспоминает А.О. Смирнова-Россет о появлении Леониллы в свете (Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания... С. 203). Польская писательница Габриэла Пузыня вспоминает о красоте ее «черных глаз, полуприкрытых бахромой ресниц» («oczy czarnych i wróć otwartych z pod frendzlistej rzęsy») (Puzynina G. W Wilnie i w dworach litewskich: pamiętnik z lat 1815–1843. Wilno, [1924]. S. 249).

²⁹ Барятинский В.И. Из Курска в Рим... С. 79.

Успех в свете сопровождался успехом при дворе, который предопределялся не только красотой Леониллы, но еще и тем обстоятельством, что ее мать М.Ф. Барятинская входила в ближний круг императрицы Александры Федоровны. 1 июля 1833 г. Леонилла стала фрейлиной³⁰. За время своей придворной службы, хотя и непродолжительной, она успела завоевать симпатии царской четы, что в будущем помогло ей избежать юридических преследований при переходе в католичество.

Понятно, что у Леониллы не было недостатка в поклонниках и женихах. В январе 1834 г. к ней одновременно сватались кн. А.В. Трубецкой и граф В.П. Кутузов³¹, но оба получили отказ. Между тем замужество по любви и счастливая семейная жизнь были задушевной мечтой Леониллы с раннего детства. Еще девочкой она составила длинный список качеств, которые хотела видеть в своем будущем супруге, а также описание жизни, которую собиралась проводить с ним. Эти записи она тщательно хранила, чтобы однажды вручить своему суженому, называла их своим «брачным контрактом и с торжественным видом показывала тем, кто внушал ей доверие» (276, 86). Еще одним подарком, который Леонилла собиралась сделать жениху, было распятие, специально заготовленное на этот случай еще с детства.

Летом 1834 г. ей казалось, что мечта о счастливом браке близка к осуществлению. Леонилла полюбила некоего (не названного в ее воспоминаниях по имени) молодого аристократа, отвечавшего ей взаимностью, и получила от матери предварительное одобрение на брак с ним (см.: 276, 93–94). Однако влюбленным не было суждено соединиться. М.Ф. Барятинская внезапно изменила решение и объявила дочери, что ей предстоит выйти замуж за своего двоюродного дядю Л.П. Витгенштейна. Разгадка столь неожиданного и рокового для Леониллы поворота в настроениях матери заключалась в том, что этого пожелала императрица, стремившаяся таким образом прекратить скандальную связь Л.П. Витгенштейна с женой флигель-адъютанта А.А. Суворова, пользовавшегося особым покровительством царя³².

Узнав, что ей предстоит выйти замуж за человека, который старше ее на семнадцать лет и к которому она не испытывала никаких чувств, кроме родственных, Леонилла впала в полное смятение и дошла до суицидальных порывов (см.: 276, 95). Хотя она, в конце концов, и подчинилась своей судьбе (28 октября 1834 г. состоялась свадьба Леониллы с Витгенштейном), надежды на счастливую семейную жизнь были навсегда разрушены.

Однако нельзя сказать, что брак Леониллы был совершенно несчастен. А.О. Смирнова-Россет так описала траекторию развития отношений Леониллы с ее супругом: «супружеская жизнь, начатая страшной притворной любовью³³, перешедшая на короткое время в *indifférence*, а потом в дружбу»³⁴. Л.П. Витгенштейн отнюдь не был деспотом, напротив, он обладал «веселым нравом, ровным и благожелательным характером, всегда старался делать добро окружающим его людям» (см.: 276, 97)³⁵.

Замужество за Витгенштейном дало Леонилле самое блистательное материальное положение. Собственное приданое Леониллы было сравнительно незначительным – 500 тыс. руб. ассигнациями из семейного капитала Барятинских, «да еще одежды тысяч на пять-

³⁰ См. письмо А.Я. Булгакова его дочери О.А. Долгорукой от 8 июля 1833 г. (Русский архив. 1906. Кн. 2. С. 47–48).

³¹ См. дневниковую запись О.И. Орловой-Давыдовой от 11 января 1834 г. (НИОР РГБ. Ф. 219. Карт. 92. № 4. Л. 50 об.–51). Кавалергарды Александр Васильевич Трубецкой (1813–1889) и Василий Павлович Кутузов (1803–1873) входили в близкое окружение императрицы Александры Федоровны.

³² См. об этом запись в дневнике А.С. Пушкина: *Пушкин А.С. Дневники. Записки*. М., 1995. С. 33.

³³ Имеется в виду, видимо, вынужденный характер брака для той и другой стороны.

³⁴ *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания...* С. 205.

³⁵ Невестка Л.И. Сайн-Витгенштейн Амелия Лилиенталь считала его близким к идеалу, умным, необычайно добрым, самоотверженным в своих заботах о семье и глубоко порядочным человеком, в отличие от Леониллы, которую она называла «надменной» и «корыстной» натурой (см.: *Une famille princière d'Allemagne. Mémoires intimes par la veuve du prince Louis de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née Amélie Lilienthal*. Paris, 1886. P. 25–70). А.О. Смирнова-Россет, близко знавшая Л.П. Витгенштейна со времен его женитьбы на ее однокласснице Стефании Радзивилл, с доброй иронией описывает его как легкомысленного в своих любовных увлечениях, но «незлобивога» человека (см.: *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания...* С. 203–205).

десять»³⁶, но муж ее был очень богат. Имущество общей стоимостью в 14 млн руб. серебром, полученное им по завещанию от первой супруги, наследницы громадных имений Доминика Радзивилла, делало Л.П. Витгенштейна одним из самых богатых людей Европы (значительная часть этих владений находилась под судебными тяжбами, но в конце концов Витгенштейну ценой невероятных усилий удалось выиграть большую их часть³⁷).

Кроме того, выйдя замуж за Л.П. Витгенштейна, Леонилла получила громкий титул, позволивший ей занять высокое место в прусской аристократии. Ее тесть П.Х. Витгенштейн, принадлежавший к людвибсбургской ветви рода графов Сайн-Витгенштейн-Берлебург³⁸, в 1834 г. получил от прусского короля Фридриха-Вильгельма III титул светлейшего князя, который распространился и на его нисходящее потомство. В 1836 г. указом Николая I П.Х. Витгенштейну было дозволено принять этот титул. Таким образом, Леонилла сделалась светлейшей княгиней Сайн-Витгенштейн-Берлебург. Во второй половине 1840-х гг. ее супруг увлекся идеей возрождения родового гнезда Витгенштейнов – замка Сайн³⁹. Его усилия в этом направлении увенчались успехом. У подножия холма, на котором возвышался замок, сначала был отстроен дворец в неоготическом стиле, а в затем в 1861 г. прусская корона передала во владение Л.П. Витгенштейну и самые руины замка, даровав ему титул светлейшего князя Сайн-Витгенштейн-Сайн, который стал также и титулом его супруги⁴⁰.

Обращение: «*sa justice est le fond de ses pensées*». Одним из психологически мучительных для Леониллы открытий, которые она сделала, оказавшись в браке, было то, что муж ее продолжал жить памятью о своей первой жене – безвременно скончавшейся молодой красавице и всеобщей любимице Стефании Радзивилл. Леонилла очень болезненно переживала, что не может занять в сердце мужа того же места, что Стефания, и, по словам А.О. Смирновой-Россет, «ревновала умершую»⁴¹. Утешением для нее стали заботы о пасынке и падчерице, с которыми Леонилла постаралась эмоционально сблизиться и полностью заменить им мать. Это ей удалось, особенно относительно падчерицы – Марии (в замужестве Гогенлоэ). Шестилетняя девочка «привязалась к молодой красивой мачехе с <...> пылкой любовью»⁴², настолько сильной, что это даже пугало Леониллу⁴³.

По завещанию своей матери-полячки Мария должна была воспитываться в католической вере, и поскольку муж не хотел допускать в семью католических духовных лиц, Леонилла приняла обязанность заниматься с нею Законом Божиим на себя. Во время поездки Витгенштейнов в Рим в 1841 г. эти занятия завершились пятнадцатидневным курсом обучения у священника из церкви Святого Людовика, на уроках которого Леонилла присутствовала вместе со своей ученицей. Вскоре в соборе Святого Петра состоялось первое причастие Марии. Все это произвело на Леониллу столь сильное впечатление, что она была готова тотчас же переменить веру, и только позиция мужа, в то время относившегося к католицизму резко отрицательно⁴⁴, удерживала ее от этого шага.

³⁶ Une famille princière d'Allemagne... P. 70.

³⁷ См.: Une famille princière d'Allemagne... P. 25–62.

³⁸ Графство Сайн-Витгенштейн-Берлебург образовалось после раздела графства Сайн-Витгенштейн на три части в 1605 г.

³⁹ Обзор благотворительных и других начинаний, которые Витгенштейны осуществляли в округе Сайна, см.: Предисловие князя Александра цу Сайн-Витгенштейн-Сайн – главы рода Сайн-Витгенштейнов, вице-президента Europa Nostra, руководителя отделения в Германии, праправнука княгини Леониллы Витгенштейн, к изданию перевода // Принцесса де Сайн-Витгенштейн (урожденная Л.И. Барятинская): Воспоминания. Курск, 2017. С. 10. Описание Сайна см.: Une famille princière d'Allemagne... P. 10–14.

⁴⁰ О непростой работе, которую Л.П. Витгенштейн провел, чтобы добиться такого результата, см.: Une famille princière d'Allemagne... P. 67–69.

⁴¹ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания... С. 205.

⁴² Гогенлоэ-Шиллингсфюрст А. Из моей жизни // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры: зборнік навук. артыкулаў. Мінск, 2013. С. 179.

⁴³ См.: *Sayn-Wittgenstein [L.], de. Souvenirs (1905–1907)*... P. 36.

⁴⁴ Позже под влиянием жены Л.П. Витгенштейн стал склоняться к католицизму, которое и принял на смертном одре (см.: 276, 525–526).

Понадобилось еще около пяти лет, чтобы Л.П. Витгенштейн смягчился и разрешил своей жене присоединиться к католической церкви. Правда, он настоял на том, чтобы переход был тайным и сохранялся в секрете даже от близких родственников. В Париж, где в то время жили Витгенштейны, был вызван уже знакомый нам священник, готовивший Марию к первому причастию. Некоторое время он занимался с Леониллой, появляясь у Витгенштейнов скрытно и в светской одежде. Само присоединение произошло 21 июня 1847 г. без посторонних свидетелей, в самой скромной обстановке. Ранним утром этого дня Леонилла в сопровождении мужа отправилась в соседнюю церковь и «вскоре уже вернулась домой, так что никто, даже ее мать и младший брат, бывшие в то время в Париже, не мог заподозрить, что только что свершилось важнейшее событие в ее жизни» (см.: 276, 503).

Таким образом, неясные склонности и симпатии к католицизму, свойственные Леонилле в детском возрасте, сменились на созревшее желание принять его именно на рубеже 1830–1840-х гг. Думается, однако, что ключевую роль в этом сыграло не изучение катехизиса с падчерицей, а обстоятельства несколько другого рода.

Представление о настроениях Леониллы в этот переломный момент ее жизни дает документ, до сих пор не публиковавшийся и не попадавший в поле зрения исследователей. Это характеристика Леониллы, составленная ее шурином В.П. Давыдовым, человеком умным, наблюдательным и светски-опытным. В 1833 г. он женился на старшей сестре Леониллы О.И. Барятинской и, прожив несколько лет в браке, написал характеристики новых родных, собрав свои записи под одной обложкой с надписью «Caractères Variatinsks»⁴⁵. Датируются эти тексты, скорее всего, самым началом 1840-х гг.

Леонилла в его записках оказалась аттестована так:⁴⁶

(л. 6) Леонила Ивановна

Le caractère le plus pittoresque de toute la famille, [1нрзб], intéressant, énigmatique, enjoué, triste, ardent et profond il participe de toutes les couleurs de l'arc en ciel. – Contradictions entassées l'une sur l'autre. La plus fière de toute la famille, elle pourroit presque être lointaine, et avec cela un amour de la justice qui tient de la passion. L'oppression, l'abus du pouvoir n'ont jamais eu d'ennemi plus ardent ni plus fier, car elle découvrira le sophisme le plus spécieux, derrière lequel le despotisme puisse se retrancher, et elle le renversera avec acharnement. Mais c'est au-dessus d'un dé de salon qu'elle prêchera l'égalité devant la loi et^a une blanchisseuse Américaine qui se seroit assise à côté d'elle lui auroit donné des crises de nerfs.^b Grand respect pour les convenances qui l'entourent, et cependant abandon de petit enfant dans les affections intimes. – Brillant dans le monde, adorée dans la famille, crainte par le pouvoir. Raisonnant encore moins // (л. 6 об.) que sa mère le caractère des individus auxquels elle accorde sa bienveillance dès qu'ils sont à ses pieds. Dévouement, abnégation^b, enthousiasme et défauts de caractères du midi avec^c les principes d'une éducation Genevoise.^d Ajouter^e à ces deux influences opposées celle qui vient de la position [1нрзб] de son mari,^{*} sans laquelle ses idées politiques auroient bien pu être complètement Royalistes: Sa justice est le fond de ses pensées [1нрзб] toujours restées les mêmes. // (л. 7) Elle a peut-être plus d'usage du monde que sa sœur aînée mais beaucoup moins de cœur et d'aplomb, par exemp. elle se laissera embarrassée

⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 219. Карт. 91. № 23 (Орлов-Давыдов В.П. Характеристика семьи Барятинских). Л. 1–15.

⁴⁶ Черновой автограф В.П. Давыдова с многочисленными исправлениями, написанный черными чернилами. При публикации сохраняется орфография и пунктуация рукописи. Благодарю профессора Новосибирского государственного университета Мишель Дебрэнн, без помощи которой расшифровка этого текста, написанного весьма неразборчиво, была бы невозможна. Благодарю ее также и за редактирование перевода.

^{a-b} Написано по левому полю л. 6 и вставлено в строку с помощью знака сноски.

^b Вставлено над строкой.

^{c-d} Вставлено над строкой. Далее над строкой зачеркнуто: C'est le.

^e Написано внизу л. 6 об. и л. 7, вставлено в текст с помощью знака сноски.

^{*} Далее зачеркнуто: et qui.

lorsqu'il n'y a aucun tort de son côté, et il y a même des personnes qu'elle fuit et qu'elle craint rien que parcequ'elle ne les aime pas. Donc le fond de son caractère³ // (л. 7 об.) Tout le monde l'admire³ pour peu qu'il la connoisse, pas tout le monde pourroit vivre heureux avec elle car il est difficile d'être attelé au même char avec un Pégase.⁻⁴

Перевод:

Самый колоритный персонаж (caractère) во всей семье, [1нрзб], интересный, загадочный, игривый, грустный, пылкий и глубокий, он сочетает в себе все цвета радуги. – Противоречия нагромождены друг на друга. Самая горделивая из всей семьи, она может быть почти отдаленной (lointaine) и вместе с тем [ей свойственна] любовь к равноправию (justice), граничащая со страстью. У угнетения и злоупотребления властью нет более яростного и гордого врага, чем она, ибо она умеет разоблачить самый хитроумный софизм, за коим прячется деспотия, и неистово ниспровергнуть его. Однако же равенство перед законом она проповедует не иначе, как в светских гостиных, и американская прачка, усядьясь она с нею рядом, довела бы ее до нервного припадка. Большое уважение к светским приличиям, среди которых она живет, и детскость в задушевных привязанностях. – Блистательная в высшем обществе, обожаемая в семье, уважаемая власть имущими. Еще меньше, чем мать, отдает себе отчет в характерах тех людей, коим благоволит, как только они оказываются у ее ног. Целеустремленность, самоотверженность, энтузиазм и недостатки, свойственные южным натурам, сформировавшимся под воздействием женеvского воспитания. Добавьте к этим двум противоположным влияниям то, что происходит от [1нрзб] взглядов (position) ее мужа, без которых ее политические идеи вполне могли бы быть совершенно монархическими: его справедливость (justice) лежит в основе ее [1нрзб] образа ее мыслей, остающегося всегда неизменным. Возможно, она более подходит для светской жизни, чем ее старшая сестра, но у нее гораздо меньше сердечности и самообладания, например, она позволяет себе конфузиться, хотя и не сделала ничего предосудительного, и даже есть люди, которых она избегает и боится только потому, что они ей не нравятся. Так что все восхищаются сутью ее характера, едва узнают ее, но не все могли бы жить с нею счастливо, потому что трудно быть запряженным в одну колесницу с Пегасом⁴⁷.

Какие выводы можно сделать из этого текста?

Во-первых, из него видно, что на рубеже 1830–1840-х гг. Леонилла была охвачена идеей, суть которой В.П. Давыдов обозначает словом «la justice». Это слово трудно перевести на русский язык, оно означает и «справедливость», и «правосудие». Но поскольку В.П. Давыдов указывает, что речь идет о «l'égalité devant la loi», «равенстве перед законом», то, видимо, правильнее всего в данном случае «la justice» переводить как «равноправие».

В.П. Давыдов пишет, что Леонилла отстаивала идею равноправия в салонных спорах, проповедовала ее «на паркете». Можно представить, с какой горячностью она это делала. По воспоминаниям близко знавших ее в старости людей, она «легко приходила в энтузиазм,

³ Далее зачеркнуто: du fond du coeur pour son âme.

⁴ Далее шесть строк зачеркнуто: La vivacité de Léonille rend son enthousiasme plutôt actif et entreprenant que contemplatif. Je ne l'aurois pas vue très sensible à l'effet de la musique et des vers mais en revanche une table analytique de Levi suffit pour la transporter au 7ème ciel.

⁴⁷ Далее шесть строк зачеркнуто. Их перевод: «Бойкость Леониллы делает ее энтузиазм скорее активным и предприимчивым, чем созерцательным. Она не кажется мне очень чувствительной к воздействию музыки и поэзии, зато аналитической таблицы Леви достаточно, чтобы вознести ее на седьмое небо».

По справедливому наблюдению М. Дебрэнн, высказанному в устном сообщении, под аналитической таблицей Леви имеются в виду учебные таблицы французского педагога Давида Леви Альвареса (1794–1870).

и вообще была очень импульсивной» (277, 831). Вероятно, в молодости эти качества проявлялись еще ярче. Недаром В.П. Давыдов сравнивает ее с Пегасом.

Против кого или против чего были направлены ее инвективы? В.П. Давыдов указывает, что против «угнетения и злоупотребления властью». Что он имеет в виду? Скорее всего, речь идет о критике крепостничества, которое вызывало у Леониллы отторжение еще с детства (см.: 276, 87), а кроме того – о критике правительственной политики относительно униатства в Западном крае.

После замужества жизнь Леониллы оказалась тесно связана с польско-литовской средой. Ее свекровь была полячкой⁴⁸. От своей первой жены, представительницы знаменитого магнатского рода, Л.П. Витгенштейн унаследовал громадные владения на территории бывшего Великого княжества Литовского общей площадью до 12 тыс. км². В 1839 г. к ним прибавился «виленский Версаль» – роскошное имение Верки под Вильно, купленное Л.П. Витгенштейном у С. Ясинского и после перестройки подаренное Леонилле⁴⁹. Оно стало центром притяжения всего виленского общества, здесь постоянно устраивались роскошные балы и обеды. «Верки были постоянным солнцем, привлекательной звездой, туда ездили все время, а на Зеленые Святки приглашали весь город»⁵⁰, – пишет в своих воспоминаниях польская писательница Г. Пузыня. Леонилла завязала множество знакомств среди местной знати и интеллигенции. Она сочувствовала преследуемым полякам и при необходимости вступалась за них – например, в 1840 г. помогла освободить оказавшегося под арестом Юзефа Мянковского, задействовав для этого все свои придворные связи.

Сквозь призму этих новых знакомств и симпатий Леонилла воспринимала и развернувшиеся в 1839 г. события, вызванные ликвидацией униатства на Полоцком соборе. Они оценивались ею как «жестокие гонения на католицизм и особенно на унию» и, как позже признавала Леонилла в разговоре с Ш. Ашкенази, окончательно «указали ей путь истинной веры»⁵¹.

Получается, что решение перейти в католичество созрело у Леониллы под воздействием сближения с польско-литовской средой и политическим импульсом либерального толка на фоне неприятия ею нарушения принципа равноправия в государстве. Подобная связь между религиозными и политическими убеждениями очень характерна для Л.И. Сайн-Витгенштейн.

Ей была свойственна не только склонность к религии, но и влечение к политике. Она постоянно следила за политическими событиями, размышляла о них, а на пике своей светской карьеры активно старалась на них воздействовать. «У моей бабушки, конечно, не было недостатка в способностях, необходимых, чтобы играть и политическую роль. Она была из того материала, из которого делают государей, – вспоминает ее внук Александр цу Гогенлоэ. – И, если бы судьба поместила ее на трон великой империи (как одну из Екатерин или последнюю китайскую императрицу, прозванную “старый Будда”), она бы прекрасно справилась со своей ролью. Но ее в первую очередь интересовала не политика, а Церковь»⁵². Из дальнейших слов Гогенлоэ становится, однако, ясно, что и церковь Л.И. Сайн-Витгенштейн видела в «политической» оптике, ее экклезиология была тесно связана с проблематикой власти: «...мне всегда казалось, что Бог был у нее только на втором месте, – пишет Гогенлоэ, – первое же занимал Святейший Отец⁵³, или, скорее, сама Церковь, *Ecclesia triumphans*. Торжество Церкви над своими врагами – вот что заботило ее сердце, и она предпринимала все, что могла, чтобы его добиться»⁵⁴. Религиозные и политические порывы проявлялись у Леониллы с одинаковой, подчас почти неистовой силой: «...душа

⁴⁸ Матерью Л.П. Витгенштейна была Антония-Сесилия Снарская.

⁴⁹ См.: Попко О.Н. Империя кн. Витгенштейнов и ее столица – усадьба в Верках под Вильно // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры: зборнік навук. артыкулаў. Мінск, 2013. С. 171.

⁵⁰ Цит. по: Попко О.Н. Империя кн. Витгенштейнов... С. 171.

⁵¹ *Askenazy S. Uwagi. Warszawa, 1924. S. 381.*

⁵² *Souvenirs du prince Alexandre de Hohenlohe. France – Alsace-Lorraine – Allemagne (1870–1923). Paris, 1928. P. 37.*

⁵³ То есть римский папа.

⁵⁴ *Souvenirs du prince Alexandre de Hohenlohe... P. 37.*

у нее была пылкая и боевая, очень страстная, особенно в том, что касалось религии или политики» (277, 831), – рассказывает ее родственница.

Но вернемся к характеристике Л.И. Сайн-Витгенштейн, составленной В.П. Давыдовым, и обратим внимание на еще одно обстоятельство, отмеченное в этом документе. В.П. Давыдов подчеркивает, что увлечение либерализмом началось у Леониллы под влиянием мужа, без которого «ее политические идеи вполне могли быть совершенно монархическими».

Читатель биографии Леониллы Ивановны, написанной Э. Доде, легко может прийти к выводу, что Л.П. Витгенштейн был полностью ведомой фигурой по отношению к своей жене. Под пером Э. Доде (а он опирался на устные и письменные воспоминания самой Леониллы Ивановны) Лев Петрович предстает неким олицетворенным препятствием на пути духовного совершенствования супруги. Он препятствует ей перейти в католичество, затем мешает католическому воспитанию детей. Постепенно, благодаря усилиям Леониллы Ивановны, эти преграды преодолеваются, и, наконец, сам Л.П. Витгенштейн, руководимый женой, на смертном одре принимает католическую веру. Так описывает ситуацию Э. Доде.

Судя по всему, дело обстояло другим, едва ли не полностью противоположным образом. Л.П. Витгенштейн оказывал огромное влияние на мировоззренческие искания своей молодой супруги. Он действительно без всякого восторга наблюдал за ее сближением с католичеством, однако не пускал этот процесс на самотек и с самого начала взял под контроль выбор духовных лиц, с которыми общалась его жена (в том числе именно он решал, какого священника пригласить для подготовки Леониллы к переходу в католичество (276, 503) и какого священника попросить стать ее духовником (276, 513)).

В еще большей степени его влияние обнаруживается в политических взглядах Леониллы. В этом отношении она просто шла по стопам своего мужа: скорее всего, ее эскапады против неравноправия – не что иное, как отзвуки декабристских речей Л.П. Витгенштейна.

Мы не знаем в точности, какую роль он играл в движении декабристов и каких конкретно политических взглядов придерживался (следственное дело Витгенштейна закончилось, можно сказать, не начавшись⁵⁵). Но вряд ли можно сомневаться, что, как и остальные декабристы, Витгенштейн был убежденным противником крепостного права. В 1830–1840-х гг. он продолжал сохранять верность идеалам молодости. Это подтверждается, например, тем, что Витгенштейн оказался одним из весьма немногих помещиков, освободивших крепостных по указу 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Процедура утверждения договоров, заключенных по этому указу, как правило, наталкивалась на сильнейший саботаж министерства внутренних дел, и то, что Л.П. Витгенштейн после изнурительной четырехлетней ведомственной переписки добился все-таки перевода своих крестьян в обязанное состояние, указывает на исключительное упорство его усилий в этом направлении⁵⁶.

Полуопальное положение, в котором находился Л.П. Витгенштейн в николаевское царствование, сделало для него карьеру в России невозможной и в конце концов подвигло его к переезду на Запад. Конечно, этот отъезд вряд ли можно назвать эмиграцией, так как

⁵⁵ Восстание декабристов. Документы. М., 2001. Т. 20. С. 443–444. Как известно, Л.П. Витгенштейн в 1820 г. был принят в Союз благоденствия. Несмотря на то, что на следствии по делу декабристов он утверждал, что участие его в тайных обществах ограничивалось только этим, есть основания предполагать, что в декабристское движение Л.П. Витгенштейн был вовлечен гораздо сильнее: вероятно, он принадлежал и к Южному обществу. Но обвинения в этом Витгенштейну предъявлены не были, следственное дело в его отношении было прекращено Высочайшим повелением. См. об этом: *Ильин П.В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 65–66. См. также статью, в которой предпринимается попытка анализа мировоззрения Л.П. Витгенштейна: *Попко О.Н.* Князь Лев Петрович Витгенштейн (1799–1866) в свете своей коллекции живописи // *Пытання мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі.* 2018. Вып. 25. С. 304–310.

⁵⁶ См.: *Ружицкая И.В.* Крестьянский вопрос в царствование императора Николая I: к вопросу о последствиях указа 1842 г. об обязанных крестьянах // *Отечественная история.* 2008. № 4. С. 28, 29, 36.

Витгенштейн был прусским подданным и немцем по рождению, но разрыв со страной, долго являвшейся для него отечеством, сопровождался горьким чувством разочарования.

Одной из причин отъезда было убеждение Л.П. Витгенштейна в том, что его сыновья не смогут получить в России достойного воспитания. Как вспоминает его невестка, он полагал, что «образование, которое дают детям в России, примеры, которые они видят перед глазами, никак не направлены на то, чтобы развить в них высокие и благородные чувства. “Большинство молодых людей в этой стране, – часто повторял он, – становятся эгоистами, бесполезными и лживыми, не имея возможности посвятить себя серьезным занятиям”»⁵⁷. Среда, испорченная привычкой к произволу, действует развращающе на молодые души, видимо, считал Л.П. Витгенштейн. Когда позже, в 1848 г., он все же вынужден был отправить в Петербург своего сына Петра, то сделал это «скрепя сердце» и жалел, что направляет его туда, где юноша будет окружен примерами «самой возмутительной несправедливости (la plus révoltante injustice), самой вопиющей неискренности (la plus insigne mauvaise foi)»⁵⁸.

Леонилла разделяла чувства своего супруга и в этом отношении. В 1842 г., уезжая из России на немецкие курорты, она надеялась, что не вернется обратно и чувствовала себя при этом «вырвавшейся из подземелья» (276, 502). Едва только карета пересекла границу, как Леонилла на виду у своих спутников демонстративно приказала остановиться, «вышла из нее, и, опустившись на колени, облобызала землю, как евреи лобызали почву земли обетованной» (276, 502). Таким образом, увлечение Леониллы католицизмом шло рука об руку не только с либерализмом, но и с самым крайним западничеством, причем такие настроения Леониллы сформировались, скорее всего, под влиянием мужа.

Остается сказать еще об одной особенности душевного склада Л.И. Сайн-Витгенштейн. В.П. Давыдов пишет об ее аристократическом высокомерии, доходившем, по его словам, почти до гнушения простонародьем («американская прачка, усядься она с нею рядом, довела бы ее до нервного припадка»), Леонилла «самая горделивая из всей семьи».

Он был не одинок в подобных наблюдениях. Невестка Леониллы Амелия (урожденная Лилиенталь) в своих воспоминаниях сообщает, что ее свекровь была «замечательно красивой женщиной, чей надменный и резкий характер, тщеславное и сухое сердце совсем не гармонировали с прелестями ее лица и изяществом ее особы», «для нее люди начинались только с князей, остальные смертные были просто невежами и мужиками», она обладала «королевской гордостью»⁵⁹. А.О. Смирнова-Россет иронизирует над тем, как трепетно относилась Леонилла к своей родовитости и титулам, обвиняя ее в тщеславии⁶⁰.

Кажется, что аристократическая гордость Леониллы вступает в противоречие с ее страстной проповедью юридического эгалитаризма. Но, во-первых, Леонилла, по мнению В.П. Давыдова, вообще буквально соткана из противоречий: с одной стороны – порывистость и энтузиазм, с другой – холодность и «женевское воспитание»⁶¹; с одной стороны – светские условности, с другой – детская искренность. А во-вторых, в филиппиках Леониллы против «угнетения и злоупотреблений властью» многое могло объясняться именно элементами аристократической фронды, естественной для ее обостренного аристократического самосознания.

«Благословенная фаланга»: Л.И. Сайн-Витгенштейн и либеральный католицизм.

С какими же кругами сблизилась Л.И. Сайн-Витгенштейн после своего переезда в Европу?

Хотя ее обращение в католицизм сохранялось в тайне несколько лет, секрет этот был относительно открытым⁶². Леонилла сразу же стала завязывать обширные связи как в среде российских католиков-эмигрантов (вскоре после обращения Леонилла сблизилась с С.П. Свечи-

⁵⁷ Une famille princière d'Allemagne... P. 57–58.

⁵⁸ Там же. P. 63.

⁵⁹ Там же. P. 69.

⁶⁰ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания... С. 204.

⁶¹ Под ним В.П. Давыдов, скорее всего, имеет в виду умение прятать чувства и сдержанность, привитые Леонилле ее женевской гувернанткой мадмуазель Гине.

⁶² Хотя Леонилла считала себя вышедшей из русского подданства (поскольку была замужем за прусским подданным), она известила об этом Николая I (276, 512).

ной, чуть позже с И.С. Гагариным, И.М. Мартыновым, Е.П. Балабиным, Г.П. Шуваловым, затем с П.О. Пирлингом и многими другими), так и в католическом мире вообще.

Со временем она стала заметной и влиятельной фигурой в среде католических деятелей. «В Риме она была причастна ко всему, что касалось Ватикана, Пий IX и Лев XIII выказывали к ней внимание и предупредительную заботу» (277, 119). Леонилла неоднократно бывала у того и другого понтифика на аудиенциях. Особенно доверительные отношения сложились у нее с Львом XIII. Близости к высшим кругам католической церкви способствовало то, что старшая ее дочь Антуанетта в 1857 г. вышла замуж за Марио Киджи, принадлежавшего к римскому аристократическому роду, представители которого столетиями занимали важные посты при Папском престоле⁶³ и были наследственными маршалами Священного Конклава (Марио вступил в эту должность после смерти своего отца, в 1877 г.). Внук Леониллы Ивановны Александр цу Гогенлоэ вспоминает, что она «пользовалась большим авторитетом в Римской Курии, и я часто забавлялся, наблюдая, с какой свободой она выносила суждения, подчас и критические, о кардиналах, епископах и высокопоставленных прелатах, даже о папе, несмотря на все ее уважение к главе церкви»⁶⁴.

Л.И. Сайн-Витгенштейн не раз выступала с инициативами международного масштаба, которые, если бы они осуществились, способствовали бы росту католицизма. Так, она планировала организовать в Паре-ле-Мониале, центре столь важного для католичества конца XIX в. культа Святого сердца, съезд «новообращенных всех наций, своего рода публичный и общий акт благодарения и поклонения [Богу] со стороны тех, кто в течение последних двадцати лет во множестве присоединился к католической церкви»⁶⁵. Л.И. Сайн-Витгенштейн оказывала организационную и финансовую поддержку «теократическим» проектам В.С. Соловьева⁶⁶. Ее авторитет при прусском дворе, близкая дружба с императрицей Августой, протектирование французского посла в Берлине Э. де Гонто-Бирона⁶⁷ вызывали стойкие опасения Бисмарка, боявшегося роста католического влияния и либерализма (Августа придерживалась либеральных взглядов).

Но наиболее близкие и важные для Л.И. Сайн-Витгенштейн отношения завязались у нее не в Риме или Берлине, а в Париже. Они соединили ее с участниками католического движения во Франции, прежде всего с Феликсом Дюпанлу⁶⁸. На момент знакомства с ней в 1847 г. он был аббатом, директором семинарии Святителя Николая в Париже, знаменитым публицистом и проповедником. Леонилла, впечатлившаяся его проповедями еще во время своего пребывания в Риме в 1841 г., сразу после перехода в католичество попросила Дюпанлу стать ее духовником (276, 513–514). Дюпанлу согласился, и с этого момента между ним и Леониллой установились особые отношения, сохранявшиеся до самой смерти Дюпанлу в 1878 г.

Он сделался для Л.И. Сайн-Витгенштейн «руководителем жизни, просвещенным советником, преданным другом» (276, 514), «духовным наставником, утешителем в испытаниях» (276, 528). Леонилла исповедовалась у Дюпанлу, постоянно пользовалась его наставлениями.

⁶³ Так, Флавио Киджи, доводившийся Марио дядей, был одной из ключевых фигур в администрациях Пия IX и Льва XIII. При Пие IX, будучи титулярным архиепископом Мир Ликийских, он выполнял ряд ответственных дипломатических поручений: был Апостольским нунцием в Баварии, во Франции и возглавлял римскую делегацию на коронации Александра II (в ее состав входил и Марио Киджи) (описание этого посольства см.: Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX – начало XX в. М., 2018. Кн. 1: 1825–1870. С. 747–758; заметим, что Витгенштейны также приезжали на коронацию Александра II); в 1873 г. стал кардиналом, под конец жизни дослужился до высокой должности Секретаря апостольских бреве.

⁶⁴ Souvenirs du prince Alexandre de Hohenlohe... P. 37.

⁶⁵ Bishop M.C. A Memoir of Mrs. Augustus Craven (Pauline de la Ferronnays) with Extracts from Her Diaries and Correspondence. London, 1896. P. 230.

⁶⁶ См.: Цимбаева Е.Н. Русский католицизм... С. 98.

⁶⁷ Сына другой ее подруги, ревностной католички Аделаиды де Гонто-Бирон (урожд. де Роган-Шабо, 1793–1869).

⁶⁸ О Дюпанлу см.: Lagrange F. Vie de M^{sr} Dupanloup, évêque d'Orléans. T. 1. Paris, 1894; Weill G. Histoire du catholicisme libéral en France. 1828–1908. Paris, 1909; Faguet E. M^{sr} Dupanloup. Un Grand Evêque. Paris, 1914; Maurain J. La politique ecclésiastique du Second Empire de 1852 à 1869. Paris, 1930.

Духовная дочь Дюпанлу писательница Огюста Крейвен (урожденная де Ля Феронне) сделала ее ближайшей подругой (277, 120–123).

Вместе с Л.П. Витгенштейном Леонилла присутствовала на рукоположении Дюпанлу во епископа Орлеанского в Нотр-Дам-де-Пари в 1849 г. Из взволнованного описания этого события в ее воспоминаниях⁶⁹ видно, что Леонилла считала Дюпанлу святым. Она называла его «Пламенем Орлеана» (*La Flamme d'Orléans*), «несравненным епископом», «бессмертным Дюпанлу», ставила наравне с Боссюэ и Фенелоном (277, 123–124).

Л.И. Сайн-Витгенштейн неоднократно гостила у Дюпанлу в Орлеане, много раз принимала его у себя в замке Сайн⁷⁰ и в имении Монабри. Во время франко-прусской войны, используя свои связи при прусском дворе, она хлопотала, чтобы Дюпанлу не пострадал при взятии Орлеана немцами, а затем предлагала его в посредники для переговоров о мире между Пруссией и Францией (276, 529)⁷¹.

Дюпанлу был одним из главных представителей либерального крыла французского католического движения, которому противостояли католики-консерваторы во главе с Луи Вейо⁷². Дискуссии между Дюпанлу и Вейо начались еще в середине 1840-х гг. со споров о государственном надзоре над школами и постепенно приобретали все более ожесточенный характер. Знаменитая газета Вейо *L'Univers* стала трибуной, с которой на Дюпанлу и его соратников сыпался целый град обвинений. Л.И. Сайн-Витгенштейн была в этом противостоянии целиком на стороне Дюпанлу. Защищая его, она даже написала памфлет против вейотинцев, правда, так и оставшийся неопубликованным. Когда начался новый и очень опасный для Дюпанлу тур полемики с Вейо, вызванный комментариями Дюпанлу на «Силлабус», Леонилла искала поддержки для орлеанского епископа у Пия IX (276, 522–523)⁷³.

Через Дюпанлу и С.П. Свечину Л.И. Сайн-Витгенштейн сблизилась и с другими представителями либерального католичества – прежде всего с лидером этого направления Ш. Де Монталамбером (которого она также принимала у себя в замке⁷⁴), а также с А. Фаллу, О. Кошеном, А. де Брольи, А. Лакордером, К. де Равиньяном, П.-А. Берье, Х. Доносо Кортесом и др., которых она называла «благословенной фалангой» (276, 78). Она сотрудничала с журналом *Le Correspondant*, который с 1855 г. был органом этого круга.

Можно сказать, что и ее собственный парижский салон на Университетской улице, 33 стал одним из центров либерального католицизма. Характерен, например, состав слушателей, которых Л.И. Сайн-Витгенштейн пригласила сюда на доклад В.С. Соловьева 23 мая 1888 г.⁷⁵ Отец Владимир Геттэ, откликнувшийся на выступление Соловьева полемической статьей, раздраженно называет их «напудренным кружком» и отмечает, что, кроме «блословствующих дам», здесь были «герцог Брольи, граф Рессежье, граф (граф ли?) Лавдан», «принадлежащие к секте либеральных католиков»⁷⁶.

Леонилла занимала либеральную позицию и в том, что касалось актуальной повестки. Например, она, в отличие от большинства представителей высшей знати, поддерживала политику Льва XIII, направленную на сотрудничество с Третьей республикой, а также

⁶⁹ *Sayn-Wittgenstein [L.], de. Souvenirs (1905–1907)...* P. 77–78.

⁷⁰ Именно к его визиту относится, по-видимому, описание приезда католического архиерея в воспоминаниях А.О. Смирновой-Россет (*Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания... С. 205*).

⁷¹ *Souvenirs du prince Alexandre de Hohenlohe... P. 45*.

⁷² См.: *Kowalski M.J. The French Liberal Catholics and Louis Veuillot from the Syllabus of Errors to the Vatican Council. 1864–1869. Thesis ... for the degree of Master of Arts. Toronto, 1966. 210 p.*

⁷³ *Sayn-Wittgenstein [L.], de. Souvenirs (1905–1907)... P. 79–80*.

⁷⁴ Там же. P. 76–77.

⁷⁵ См. об этом эпизоде биографии В.С. Соловьева: *Ворожихина К.В. В.С. Соловьев между православием и католичеством: отклики современников // История философии. 2021. Т. 26, № 2. С. 35–45; Черняев А.В., Бердникова А.Ю. Девять вопросов христианскому миру. Poleмика вокруг богословских идей В.С. Соловьева на страницах французских журналов в 1880-х гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 86. С. 11–27.*

⁷⁶ Курсив о. Владимира Геттэ. С–в. Суждения о. Владимира Геттэ о новейшей деятельности г. В. Соловьева в пользу единения Церкви восточной с западною // *Вера и разум. 1888. № 22. С. 689–690*.

без колебаний и сомнений сразу после начала скандала, вызванного арестом Дрейфуса, встала на дрейфусианскую точку зрения. Показательно, что одним из ее неосуществившихся католических проектов была попытка открыть женскую конгрегацию варнавитов – самого либерального из монашеских орденов⁷⁷.

Почему Л.И. Сайн-Витгенштейн сблизилась именно с либеральными католиками, а не с их противниками-вейотинцами? Во-первых, ей, с ее воспитанием и вкусом, не могло импонировать радикальное отрицание современной культуры, к которому призывал Вейо. Во-вторых, вейотизм был достоянием низового духовенства и необразованных масс, что, наверное, вызывало снисходительную брезгливость у людей такого склада, как Леонилла.

Но самое главное – либеральные католики исповедовали взгляды, очень похожие на те, которые Л.И. Сайн-Витгенштейн усвоила от своего мужа-декабриста. В отличие от Вейо, они считали политические свободы и религиозную терпимость в конечном итоге полезными для католичества. Монталамбер в своем памфлете «Об интересах католичества в 19 столетии» писал о том, что абсолютизм вреден для церкви: «везде, где церковь разрушена, она находилась под давлением абсолютной власти». Поддержка политического деспотизма – это «гибельное дело». «Горе тем, кто привязывает бессмертные судьбы религии к дряхлому идолу»⁷⁸.

Вейо возражал ему, напоминая какими ужасными для католической церкви последствиями обернулось падение абсолютизма во время Великой французской революции. Духовенство старого режима получило политическую свободу «только для того, чтобы подвергнуться пыткам и резне со стороны революционеров»⁷⁹. Парламентская система полна злоупотреблений и ведет к анархии, которая есть тот же деспотизм. Политическая свобода и свобода церкви несовместимы. «Можно быть либо христианином, либо либерал-католиком, но нельзя быть тем и другим»⁸⁰.

Л.И. Сайн-Витгенштейн в этих спорах, конечно, была на стороне Монталамбера.

От декабристов до октябристов: Л.И. Сайн-Витгенштейн о России. Жизнь Л.И. Сайн-Витгенштейн в 1870–1910-х гг. оказалась связана с несколькими странами. Кроме Рима, где Леонилла Ивановна часто гостила у дочери Антуанетты, часть времени она проводила в Париже, часть – у родственников в родовом замке Сайн в Пруссии неподалеку от Кобленца. Уже после смерти мужа, в 1872 г., ею было приобретено роскошное имение в Швейцарии на полпути между Лозанной и Уши⁸¹, получившее название «Монабри». Оно и стало ее пристанищем в последние годы жизни. В России после своего перехода в католицизм Л.И. Сайн-Витгенштейн, кажется, практически не бывала (за исключением поездки на коронацию Александра II)⁸².

Русская по рождению, немка по титулу и по подданству, католичка по вере, большую часть жизни прожившая во Франции и Швейцарии, своим самосознанием, образом жизни, дружескими и родственными связями Леонилла Ивановна принадлежала к высшему кругу космополитической европейской аристократии⁸³. Ее ближайшей подругой до самой своей смерти была прусская королева (затем германская императрица) Августа, ежегодно наве-

⁷⁷ Тамборра А. Католическая церковь и русское православие... С. 299.

⁷⁸ Цит. по: Kowalski M.J. The French Liberal Catholics... P. 9.

⁷⁹ Цит. по: Там же. P. 11.

⁸⁰ Kowalski M.J. The French Liberal Catholics... P. 18.

⁸¹ См.: *Bischof M.C. A Memoir of Mrs. Augustus Craven (Pauline de la Ferronnays)*... P. 219.

⁸² Тем не менее она поддерживала контакты с российским царствующим домом. Так, например, в 1870 г. через пасынка, находившегося на русской службе, она передала Александру II письмо с извещением о помолвке своего младшего сына и в ответ получила от императора весьма любезное послание с поздравлениями (оно недавно выставлялось на одном из аукционов, в связи с чем его скан был выложен по ссылке: <https://veryimportantlot.com/ru/lot/view/zar-alexander-ii-1818-1881-brief-an-furstin-257570> (дата обращения: 10.04.2024)).

⁸³ Ср. слова из некролога Л.И. Сайн-Витгенштейн, опубликованного в Le Figaro: «Это была очень замечательная личность европейского масштаба, которая в течение своей длинной жизни оказалась связана со всем, что в Европе есть просвещенного во всех странах. <...> Княгиня де Сайн-Витгенштейн была одной из последних «европейских дам», которых их космополитическое положение и родственные связи со всеми странами делали более не принадлежащими ни к одной из них» (Le Figaro. 03.02.1918. P. 3).

щавшая ее в Швейцарии. Ее зять Хлодвиг цу Гогенлоэ был знаменитым политическим деятелем, канцлером Германской империи в 1894–1900 гг. Через жену своего младшего сына Леонилла была связана с легитимистским родом герцогов Блака (Blacas). Во время франко-прусской войны она посредничала в контактах главы дома Бурбонов графа Шамбора с королем Вильгельмом⁸⁴.

Особняк Л.И. Сайн-Витгенштейн в Париже на Университетской улице, 33 в 1880-х гг. был местом, где собирался высший парижский свет. Общение с ней ценили коронованные особы, высокопоставленные духовные лица, литераторы, политики – Леонилла обладала неистощимой памятью, глубоким знанием светской жизни, широким кругом знакомств в аристократической среде, тонкой политической интуицией, позволявшей ей предсказывать такие события, как Первая мировая война и русская революция, а к тому же еще и веселым нравом, артистизмом и даром слова. Вспоминая забавные случаи из своей длинной жизни, она рассказывала их так, что слушатели буквально валились из кресел со смеха (277, 116).

Авторитет, который постепенно приобрела Леонилла Ивановна в европейской аристократической среде, был огромен. Отчасти это объясняется тем, что благодаря своему долгожительству она стала старейшиной этого круга, живой хранительницей его традиций и преданий. Отчасти – ее «политической харизмой» и связями. Недаром столетний юбилей Л.И. Сайн-Витгенштейн в 1916 г., отпразднованный в Монабри, вызвал поток приветствий и телеграмм из самых разных уголков Европы, разделенных Первой мировой войной (276, 78).

Взгляд Л.И. Сайн-Витгенштейн на Россию с годами неизбежно становился взглядом «со стороны», но все же взглядом неравнодушным, заинтересованным⁸⁵. Отправной точкой всех ее рассуждений о покинутой родине, конечно, являлась католическая тема: Леонилла Ивановна до конца своих дней оставалась «воинствующей католичкой» и была верна «культу папства» (277, 831)⁸⁶. Поэтому неудивительно, что Россия для нее – прежде всего «схизматическая» страна «азиатского варварства» (277, 137), в которой подвергаются гонениям католики и униаты.

Беда России состоит в деспотическом характере власти, в подчиненности церкви государству, считает она. Переход в католичество дал бы России независимость духовенства. Сейчас же церковь в ней находится «под игом чиновников». «Светская власть заправляет в Синоде и делает из епископов, которые в нем заседают, своих подчиненных» (277, 139). Русское духовенство «унижено и порабощено», превращено в «государственных служащих» (276, 89).

Причиной бедствий России, таким образом, является деспотизм. Спасение заключено в «точных и срочных» (277, 138) политических реформах. Л.И. Сайн-Витгенштейн – не сторонница республики, но она призывает к тому, чтобы в России вместо самодержавия установилась «монархия, основанная на нравственной и религиозной свободе» (277, 138), восторжествовала «свобода совести» (*la liberté de conscience*) (277, 138). Главным препятствием на пути такого рода преобразований она считала не верховную власть, а чиновничий аппарат, «бюрократическую машину» (277, 135). Бюрократия – это «гнусный механизм» (*l'infâme rouage*), «язва, которая разъедает Россию» (277, 136). Даже император Александр III, чьи «решения, распоряжения и, особенно, намерения» были «добрыми, честными и гуманными» (277, 135), оказался ее «рабом» (277, 136).

В начале царствования Николая II Л.И. Сайн-Витгенштейн возлагала надежды на либеральные реформы, расширение прав земств, однако видела, что власть «пребывает во сне, пробуждение от которого, – писала Леонилла Ивановна графу Дебассен де Ришмону, – будет

⁸⁴ *Souvenirs du prince Alexandre de Hohenlohe...* P. 39–45.

⁸⁵ Ее мысли на эту тему нашли отражение в обширной «воломинозной» переписке с французским археологом и политиком графом Пьером Дебассен де Ришмоном, продолжавшейся с 1887 до 1912 г., около 25 лет. Переписка эта посвящена различным темам мировой политики. Э. Доде сделал из нее выборку высказываний Л.И. Сайн-Витгенштейн по поводу России (277, 133–145).

⁸⁶ «Мысль о том, насколько могущественной была бы католическая Россия, кружит мне голову» (277, 136–137), – признавалась Л.И. Сайн-Витгенштейн.

ужасным» (277, 139). События 9 января 1905 г. вызвали у нее чувство «стыда и отчаяния» (277, 141). Давно предчувствуемая ею «жакерия» началась.

«Бедствия обрушиваются со всех сторон, все малодушны и подавлены. Уличные расстрелы, убийства, ярость и отчаяние, растерянность и недееспособность несчастного императора, эта путаница слов, вещей, намерений и воли, это бессилие угасающего самодержавия – вот какое зрелище мы наблюдаем в России». «Теперь все потеряно, империя, трон и их будущая судьба» (277, 142).

Единственным способом выбраться из тупика, в котором оказалась Россия, Л.И. Сайн-Витгенштейн считала осуществление программы П.А. Столыпина и поддерживающих его октябристов. Но и эта возможность была потеряна.

«Столыпин умер превосходно, *по-старинному*, за своего государя, добровольно пожертвовав собой, не сомневаясь, что будет убит, – писала Леонилла Ивановна графу Дебассен де Ришмону. – Если бы в России было больше людей с такой самоотверженной преданностью, как он, он смог бы выстоять и сражаться <...>. Он мог бы, следуя октябристской программе, которая изначально определила его образ действия, успешно бороться против революции, но для этого и самому императору нужно было оставаться верным своему манифесту, а этого не произошло. Столыпину ничего не оставалось, как умереть.

Он не был настолько слаб, чтобы покончить жизнь самоубийством, и к тому же не хотел бросать императора и отдавать его на растерзание революционерам. Поэтому необходимо было дождаться убийцу, именно это он и сделал с поразительным хладнокровием и еще более поразительным самопожертвованием, в одиночестве, без поддержки, без подкрепления.

Но мне жаль не его, его кончина прекрасна, она его обессмертит. Мне жаль лишь императора и его бедного мальчика. Какова будет их судьба? Где они будут искать помощи, безопасности, гарантий? Ожидаем, оглядываемся по сторонам, видим только густую тьму. Необходимо чудо, но его удостаиваются лишь святые, а их уж точно нужно искать не среди правительственных чиновников, не в логове бюрократии и не в притонах убийц» (277, 142–143).

Среди таких мрачных предчувствий и предвидений проходили последние годы Л.И. Сайн-Витгенштейн. Опять, как в детстве и юности, у нее случались видения, на этот раз пугающие и ужасные. «Во сне и наяву меня преследуют жуткие образы. Это чудовища, звери и люди, убийства, крики отчаяния, над которыми смеются, жестокости, над которыми потешаются. Вы скажете, это от нервов. Хорошо бы так, но все это имеет свои основания, основания многочисленные, разнообразные, связанные с общественной и частной жизнью. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что беды, идущие за бедами – вот те “развлечения”, что нас ожидают» (277, 144).

Европа старого либерализма и империй, появившаяся на Венском конгрессе за год до рождения Леониллы, погибла в потоке мировой войны и революций в год ее смерти. От декабристов до октябристов, от Александра I до Николая II, от Венского конгресса до Парижской конференции – таким оказался масштаб жизненного пути Л.И. Сайн-Витгенштейн. При столь впечатляющем хронологическом размахе она сохраняла мировоззренческое постоянство – начиная с рубежа 1830–1840-х гг. и до конца жизни была привержена политическому католицизму либерального направления.

Литература

Байрд (Яценко) О. Иоганн Конрад Дорнер: некоторые материалы к биографии художника // Художественный вестник. 2022. № 9. С. 62–125.

Барятинский В.И. Из Курска в Рим. Воспоминания / публ. и науч. ред. В.П. Олейниковой и М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2024. 334 с.

В.С. Соловьев. Из записок Леонилы Ивановны Витгенштейн (рожденной княжны Барятинской) // Русский архив. 1908. Кн. 3. Вып. 11. С. 400–401.

Ворожухина К.В. В.С. Соловьев между православием и католичеством: отклики современников // История философии. 2021. Т. 26, № 2. С. 35–45.

Восстание декабристов. Документы. Т. 20 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А.В. Семенова; под ред. А.Н. Сахарова. М.: РОССПЭН, 2001. 592 с.

Гогенлоэ-Шиллингсфюрст А. Из моей жизни // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры: зборнік навук. артыкулаў. Мінск: Медысонт, 2013. С. 174–211.

Долгушин Д.В. Милосердие и благотворительность в зеркале автодокументального текста: Дневник О.И. Орловой-Давыдовой // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию Н.Н. Покровского: сб. науч. тр. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск, 2020. С. 374–385. (Археография и источниковедение в Сибири: вып. 39).

Долли Фикельмон. Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой; пер. с фр. М. Чакыровой и С. Мрочковской-Балашовой. М.: Минувшее, 2009. 1001 с.

Зиссерман А.Л. Князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. М., 1888. Т. 1. XVI, 392, XVII–XX с.

Из воспоминаний княгини Витгенштейн // Русская старина 1908. Вып. 12. С. 735–742.

Из писем А.Я. Булгакова к его дочери княгине О.А. Долгорукой // Русский архив. 1906. Кн. 2. С. 47–80.

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 663 с.

Милорадович Г.А. Список лиц свиты Их Величеств с царствования Петра I по 1886. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1886. 208 с.

Олейникова В. Князь Виктор Иванович Барятинский: моряк, художник, археолог, библиофил // Барятинский В.И. Из Курска в Рим. Воспоминания / публ. и науч. ред. В.П. Олейниковой и М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2004. С. 7–32.

Олейникова В.П. Итальянский след семейства Барятинских // Via in tempore. История. Политология. 2010. № 13 (84). С. 146–151.

Олейникова В.П. Исторический портрет княгини Л. Витгенштейн (урожд. кн. Барятинской) в изображениях из живописных коллекций Европы и США: к 105-летию со дня кончины // Вестник Гродненского гос. университета. Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2023. Т. 15, № 2. С. 84–92.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3: Переписка П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836 / под ред. В.И. Саитова. СПб., 1899. 830 с.

Попко О.Н. Империя кн. Витгенштейнов и ее столица – усадьба в Верках под Вильно // Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры: зборнік навук. артыкулаў. Мінск: Медысонт, 2013. С. 164–213.

Попко О.Н. Художник В.С. Садовников и коллекция князя Л.П. Витгенштейна в Верковском дворце: история одного пленэра // Искусство и культура. 2017. № 2. С. 23–27.

Попко О.Н. Князь Лев Петрович Витгенштейн (1799–1866) в свете своей коллекции живописи // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. 2018. Вып. 25. С. 304–310.

Предисловие князя Александра цу Сайн-Витгенштейн-Сайн – главы рода Сайн-Витгенштейнов, вице-президента Еуропа Nostra, руководителя отделения в Германии, праправнука княгини Леониллы Витгенштейн, к изданию перевода // Принцесса де Сайн-Витгенштейн (урожденная Л.И. Барятинская): Воспоминания / пер. и коммент. В.П. Олейниковой. Курск: Региональный финансово-экономический ин-т, 2017. С. 9–11.

Пушкин А.С. Дневники. Записки / изд. подгот. Я.Л. Левкович. М.: Наука, 1995. 336 с.

Ружницкая И.В. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая I: к вопросу о последствиях указа 1842 г. об обязанных крестьянах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 24–37.

Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914–1918 / подгот. М. Разумовская. Paris: YMCA-PRESS, 1986. 301 с.

С–в. Суждения о. Владимира Геттэ о новейшей деятельности г. В. Соловьева в пользу единения Церкви восточной с западною // *Вера и разум*. 1888. № 22. С. 680–697.

Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX – начало XX в. М., 2018. Кн. 1: 1825–1870. 974 с.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 789 с.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император / сост., предисл. Н.И. Азаровой; коммент. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; пер. с фр. Л.В. Гладковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. С. 174–329.

Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 631 с.

Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX в. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 208 с.

Черняев А.В., Бердникова А.Ю. Девять вопросов христианскому миру. Polemica вокруг богословских идей В.С. Соловьева на страницах французских журналов в 1880-х гг. // *Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2019. Вып. 86. С. 11–27.

Askenazy S. Uwagi. Warszawa: Skład "Ignis" (E. Wende i S-ka), 1924. 494 s.

Bischof M.C. A Memoir of Mrs. Augustus Craven (Pauline de la Ferronnays) with Extracts from Her Diaries and Correspondence. London, 1896. 518 p.

Daudet E. Témoin d'un siècle. La princesse Léonille de Sayn-Wittgenstein (1816–1918) // *Le Correspondant*. 1919. T. 276. P. 76–104, 501–529; T. 277. P. 114–145, 830–859.

Dmitrieva K. Les conversions au catholicisme en Russie au XIXe siècle: ruptures historiques et culturelles // *Revue des études slaves*. 1995. T. 67. Fasc. 2–3. P. 311–336.

Faguet E. Mgr Dupanloup. Un Grand Evêque. Paris: Librairie Hachette, 1914. 253 p.

Kowalski M.J. The French Liberal Catholics And Louis Veillot From the Syllabus of Errors to the Vatican Council. 1864–1869. Thesis ... for the degree of Master of Arts. Toronto, 1966. 210 p.

Lagrange F. Vie de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans. Paris: Librairie Ch. Poussielgue, 1894. T. 1. 483 p.

Maurain J. La politique ecclésiastique du Second Empire de 1852 à 1869. Paris: Librairies Félix Alcan, 1930. 989 p.

Petrucci F. Memorie dalla collezione Wittgenstein-Bariatinsky // *Meraviglie dal Palazzo Dipinti, disegni e arredi della collezione Wittgenstein-Bariatinsky da Palazzo Chigi in Ariccia*. Roma, 2011. P. 15–35.

Puzynina G. W Wilnie i w dworach litewskich: pamiętnik z lat 1815–1843. Wilno, [1924]. 389 s.

Sayn-Wittgenstein L., de. Souvenir vivant d'un passé lointain. [S.l.], [ca 1907]. 20 p.

Sayn-Wittgenstein [L.], de. Quelques souvenirs de ma vie // *Le Correspondant*. 1907. T. 193. P. 686–705.

Sayn-Wittgenstein [L.], de. Souvenirs (1905–1907). Paris: Impr. P. Lethielleux, [1908]. 182 p.

Sayn-Wittgenstein L., de. Mélanges. Lausanne: Impr. J. Couchoud, 1909. 145 p.

Sayn-Wittgenstein L., de. Pages intimes: l'Alléluia dans l'épreuve. Besançon: Impr. P. Jacquin, 1918. 310 p.

Souvenirs de prince Alexandre de Hohenlohe. France – Alsace-Lorraine – Allemagne (1870–1923). Traduction et préface de Ed. Dupuydauby. Paris: Payot, 1928. 256 p.

Une famille princière d'Allemagne. Mémoires intimes par la veuve du prince Louis de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née Amélie Lilienthal. Sixième édition. Paris: Paul Ollendorf, 1886. 292 p.

Weill G. Histoire du catholicisme libéral en France. 1828–1908. Paris: Librairies Félix Alcan et Glillaumin réunies, 1909. 312 p.

References

- Askenazy, S. (1924). *Uwagi. Warszawa, Skład "Ignis"* (E. Wende i S-ka). 494 s.
- Baird (Yatsenko), O. (2022). Iogann Konrad Dorner: nekotorye materialy k biografii khudozhnika [Johann Conrad Dorner: Some Materials for the Artist's Biography]. In *Khudozhestvennyy vestnik*. No. 9, pp. 62–125.
- Baryatinskiy, V.I. (2024). *Iz Kurska v Rim. Vospominaniya* [From Kursk to Rome. Memories]. Publ. i nauch. red. V.P. Oleynikovoy i M.G. Talalaya. Moscow, Indrik. 334 p.
- Bischof, M.C. (1896). *A Memoir of Mrs. Augustus Craven (Pauline de la Ferronnays) with Extracts from Her Diaries and Correspondence*. London. 518 p.
- Chernyaev, A.V., Berdnikova, A.Yu. (2019). Devyat' voprosov khristianskomu miru. Polemika vokrug bogoslovskikh idei V.S. Solov'eva na stranitsakh frantsuzskikh zhurnalov v 1880-kh gg. [Nine Questions for the Christian World. The Controversy Surrounding the Theological Ideas of V.S. Solovyov on the Pages of French Magazines in the 1880s]. In *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. Iss. 86, pp. 11–27.
- Daudet, E. (1919). *Témoin d'un siècle. La princesse Léonille de Sayn-Wittgenstein (1816–1918)*. In *Le Correspondant*. T. 276, pp. 76–104, 501–529; T. 277, pp. 114–145, 830–859.
- Dolgushin, D.V. (2020). Miloserdie i blagotvoritel'nost' v zerkale avtodokumental'nogo teksta: Dnevnik O.I. Orlovoy-Davydovoy [Mercy and Charity in the Mirror of Auto-Documentary Text: Diary of O.I. Orlova-Davydova]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arheografii. K 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, pp. 374–385. (Arheografiya i istochnikovedenie v Sibiri: Iss. 39)
- Dmitrieva, K. (1995). Les conversions au catholicisme en Russie au XIXe siècle: ruptures historiques et culturelles. In *Revue des études slaves*. T. 67, Fasc. 2–3, pp. 311–336.
- Faguet, E. (1914). *Mgr Dupanloup. Un Grand Evêque*. Paris, Librairie Hachette. 253 p.
- Gogenloe-Shillingsfyurst, A. (2013). Iz moey zhizni [From My Life]. In *Zamki, palatsy i syadziby ŷ kanktektse eŷrapeiskai kul'tury: zbornik navuk. artykulaŷ*. Minsk, Medysont, pp. 174–211.
- Il'in, P.V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannnye i neobnaruzhennnye sledstviem uchastniki taynykh obshchestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists. Pardoned, Acquitted and Undetected Participants in Secret Societies and Military Uprisings of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 663 p.
- (1906). Iz pisem A.Ya. Bulgakova k ego docheri knyagine O.A. Dolgorukoy [From Letters of A.Ya. Bulgakov to His Daughter Princess O.A. Dolgoruky]. In *Russkiy arkhiv*. Book 2, pp. 47–80.
- (1908). Iz vospominaniy knyagini Vitgenshteyn [From the Memoirs of Princess Wittgenstein]. In *Russkaya starina*. Iss. 12, pp. 735–742.
- Kowalski, M.J. (1966). *The French Liberal Catholics and Louis Veillot from the Syllabus of Errors to the Vatican Council. 1864–1869*. Thesis ... for the degree of Master of Arts. Toronto. 210 p.
- Lagrange, F. (1894). *Vie de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans*. Paris, Librairie Ch. Pous-sielgue. T. 1. 483 p.
- Lilienthal, A. (Ed.). (1886). *Une famille princière d'Allemagne. Mémoires intimes par la veuve du prince Louis de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née Amélie Lilienthal*. Sixième édition. Paris, Paul Ollendorf. 292 p.
- Maurain, J. (1930). *La politique ecclésiastique du Second Empire de 1852 à 1869*. Paris, Librairies Félix Alcan. 989 p.
- Miloradovich, G.A. (1886). *Spisok lits svity Ikh Velichestv s tsarstvovaniya Petra I po 1886* [List of Persons in the Retinue of Their Majesties from the Reign of Peter I to 1886]. Kiev, Tipografiya S.V. Kul'zhenko. 208 p.
- Mrochkovska-Balashova, S., Chakyrova, M. (Eds.). (2009). *Dolli Fikel'mon. Dnevnik 1829–1837: Ves' pushkinskiy Peterburg* [Dolly Fikelmon. Diary 1829–1837: All of Pushkin's Petersburg]. Moscow, Minushee. 1001 p.

Oleynikova, V. (2004). Knyaz' Viktor Ivanovich Baryatinskiy: moryak, khudozhnik, arkheolog, bibliofil [Prince Viktor Ivanovich Baryatinsky: Sailor, Artist, Archaeologist, Bibliophile]. In *Baryatinskiy V.I. Iz Kurska v Rim. Vospominaniya*. Moscow, Indrik, pp. 7–32.

Oleynikova, V.P. (2010). Ital'yanskiy sled semeystva Baryatinskikh [Italian Trace of the Baryatinsky Family]. In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. No. 13 (84), pp. 146–151.

Oleynikova, V.P. (2023). Istoricheskiy portret knyagini L. Vitgenshteyn (urozhd. kn. Baryatinskoy) v izobrazheniyakh iz zhivopisnykh kollektsey Evropy i SShA: k 105-letiyu so dnya konchiny [Historical Portrait of Princess L. Wittgenstein (nee Prince Baryatinskaya) in Images from Painting Collections in Europe and the USA: On the 105th Anniversary of Her Death]. In *Vestnik Grodnenskogo gos. universiteta. Seriya 1: Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya*. Vol. 15, No. 2, pp. 84–92.

Petrucci, F. (2011). Memorie dalla collezione Wittgenstein-Bariatinsky. In *Meraviglie dal Palazzo Dipinti, disegni e arredi della collezione Wittgenstein-Bariatinsky da Palazzo Chigi in Ariccia*. Roma, pp. 15–35.

Popko, O.N. (2013). Imperiya kn. Vitgenshteynov i ee stolitsa – usad'ba v Verkakh pod Vil'no [Empire of Princes Wittgenstein and Her Capital – the Estate in Werki near Vilna]. In *Zamki, palatsy i syadziby ŷ kantektse eŷrapeiskai kul'tury: zbornik navuk. artykulaŷ*. Minsk, Medysont, pp. 164–213.

Popko, O.N. (2017). Khudozhnik V.S. Sadovnikov i kolleksiya knyazya L.P. Vitgenshteyna v Verkovskom dvortse: istoriya odnogo plenera [Artist V.S. Sadovnikov and the Collection of Prince L.P. Wittgenstein in the Verkovsky Palace: The History of One Plein Air]. In *Iskusstvo i kul'tura*. No. 2, pp. 23–27.

Popko, O.N. (2018). Knyaz' Lev Petrovich Vitgenshteyn (1799–1866) v svete svoey kollektzii zhivopisi [Prince Lev Petrovich Wittgenstein (1799–1866) in the Light of His Collection of Paintings]. In *Pytanni mastatstvaznaŷstva, etnologii i fal'klarystyki*. No. 25, pp. 304–310.

(2017). Predislovie knyazya Aleksandra tsu Sain-Vitgenshteyn-Sain – glavy roda Sain-Vitgenshteynov, vitse-prezidenta Europa Nostra, rukovoditelya otdeleniya v Germanii, praprawnuka knyagini Leonilly Vitgenshteyn, k izdaniyu perevoda [Preface by Prince Alexander zu Sayn-Wittgenstein-Sain – Head of the Sayn-Wittgenstein Family, Vice-President of Europa Nostra, Head of the Branch in Germany, Great-Great-Grandson of Princess Leonilla Wittgenstein, for the Publication of the Translation]. In *Printsessa de Sain-Vitgenshteyn (urozhdennaya L.I. Baryatinskaya): Vospominaniya*. Perevod i kommentarii V.P. Oleynikovoy. Kursk, Regional'nyy finansovo-ekonomicheskij in-t, pp. 9–11.

Pushkin, A.S. (1995). *Dnevnik. Zapiski* [Diaries. Notes]. Izd. podg. Ya.L. Levkovich. Moscow, Nauka. 336 p.

Puzynina, G.W. (1924). *Wilnie i w dworach litewskich: pamieŷnik z lat 1815–1843*. Wilno. 389 p.

Ruzhitskaya, I.V. (2008). Krest'yanskiy vopros v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I: k voprosu o posledstviyakh ukaza 1842 g. ob obyazannykh krest'yanakh [The Peasant Question during the Reign of Emperor Nicholas I: On the Consequences of the 1842 Decree on Obligated Peasants]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 24–37.

S–v (1888). Suzhdeniya o. Vladimira Gette o noveyshey deyatel'nosti g. V. Solov'eva v pol'zu edineniya Tserkvi vostochnoy s zapadnoyu [Judgments of Vladimir Goette on the Latest Activities of Mr. V. Solovyov in Favor of the Unity of the Eastern Church with the Western]. In *Vera i razum*. No. 22, pp. 680–697.

Saitov, V.I. (Ed.). (1899). *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh. Tom 3: Perepiska P.A. Vyazemskogo s A.I. Turgenevym. 1824–1836* [Ostafevsky Archive of the Princes Vyazemsky. Volume 3: Correspondence between P.A. Vyazemsky and A.I. Turgenev. 1824–1836]. St. Petersburg. 830 p.

Sain-Vitgenshteyn, E.N. (1986). *Dnevnik. 1914–1918* [Diary. 1914–1918]. Paris, YMCA-PRESS. 301 p.

Sayn-Wittgenstein, L., de. (1907). *Souvenir vivant d'un pass e lointain*. 20 p.

Sayn-Wittgenstein, L., de. (1907). Quelques souvenirs de ma vie. In *Le Correspondant*. Vol. 193, pp. 686–705.

Sayn-Wittgenstein, L., de. (1908). *Souvenirs (1905–1907)*. Paris, Impr. P. Lethielleux. 182 p.

Sayn-Wittgenstein, L., de. (1909). *Mélanges*. Lausanne, Impr. J. Couchoud. 145 p.

Sayn-Wittgenstein L., de. (1918). *Pages intimes: l'Alléluia dans l'épreuve*. Besançon, Impr. P. Jacquin. 310 p.

Semenova, A.V., Sakharova, A.N. (Eds.). (2001). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [Decem-
brist Revolt. Documentation]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 20. 592 p.

Serova, O.V. (2018). *Rossiya i Vatikan. Politika i diplomatiya. XIX – nachalo XX v.* [Russia and the Vatican. Politics and Diplomacy. 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Izdatelskiy Dom YaSK. Book 1: 1825–1870. 974 p.

Smirnova-Rosset, A.O. (1989). *Dnevnik. Vospominaniya* [Diary. Memories]. Moscow, Nauka. 789 p.

(2000). Son yunosti. Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny [Dream of Youth. Memoirs of Grand Duchess Olga Nikolaevna]. In *Nikolay I. Muzh. Otets. Imperator*. Moscow, SLOVO/SLOVO, pp. 174–329.

(1928). *Souvenirs de prince Alexandre de Hohenlohe. France – Alsace-Lorraine – Allemagne (1870–1923)*. Traduction et préface de Ed. Dupuydauby. Paris, Payot. 256 p.

Tamborra, A. (2007). *Katolicheskaya tserkov' i russkoe pravoslavie. Dva veka protivostoyaniya i dialoga* [The Catholic Church and Russian Orthodoxy. Two Centuries of Confrontation and Dialogue]. Moscow, Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana. 631 p.

Tsimbaeva, E.N. (2013). *Russkiy katolitsizm: Ideya vseevropeyskogo edinstva v Rossii XIX v.* [Russian Catholicism: The Idea of Pan-European Unity in Russia in the 19th Century]. Moscow, Izdatel'stvo LKI. 208 p.

(1908). V.S. Solov'ev. Iz zapisok Leonily Ivanovny Vitgenshteyn (rozhdennoy knyazhny Baryatinskoy) [V.S. Soloviev. From the Notes of Leonila Ivanovna Wittgenstein (Born Princess Baryatinskaya)]. In *Russkiy arkhiv*. Book 3, Iss. 11, pp. 400–401.

Vorozhikhina, K.V. (2021). V.S. Solov'ev mezhdru pravoslaviem i katolichestvom: otkliki sovremennikov [V.S. Soloviev between Orthodoxy and Catholicism: Responses from Contemporaries]. In *Istoriya filosofii*. Vol. 26, No. 2, pp. 35–45.

Weill, G. (1909). *Histoire du catholicisme libéral en France. 1828–1908*. Paris, Librairies Félix Alcan et Glillaumin réunies. 312 p.

Zisserman, A.L. (1888). *Knyaz' Aleksandr Ivanovich Baryatinskii. 1815–1879*. [Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky. 1815–1879]. Moscow. Vol. 1. XVI, 392, XVII–XX p.